

11 45
10
Годъ изданія десятый.

ДЕКАБРЬ.

№ 3.

1916.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

РАВНОДУШНЫЕ ДРУЗЬЯ.
ПЪТУХЪ и СКВОРЕЦЪ (басня).
ПРИЕМЫШЪ (повѣсть).
ВСЕ ДОЖДЬ и ДОЖДЫ!... (стих).
ДВА БРИЛЛІАНТА (сказка).
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

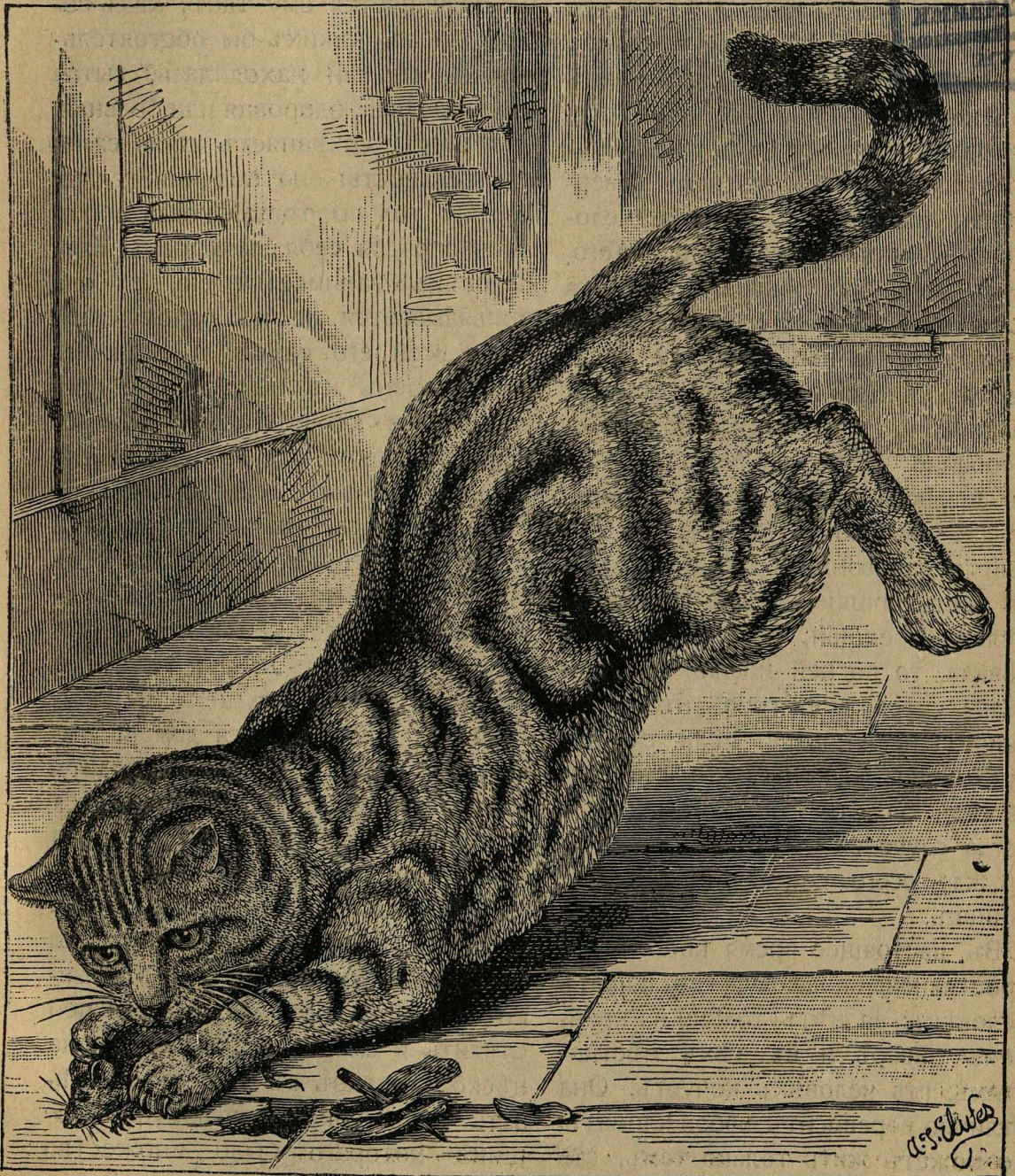
№ 3. Декабрь. 1916.

Годъ изданія X-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Равнодушный другъ.

РАВНОДУШНЫЕ ДРУЗЬЯ.

Два друга всюду сопровождаютъ человѣка, — это кошка и собака. Собака такъ предана человѣку, что иной разъ готова пожертвовать для него своею жизнью, кошка-же, которая живетъ при немъ уже столько тысячъ лѣтъ, — къ нему совершенно равнодушна. Скорѣе человѣкъ любитъ кошку, чѣмъ она его. Какъ домашнее животное, кошка была извѣстна еще въ глубокой древности. На нее смотрѣли тогда не только какъ на истребительницу мышей, но даже и какъ на божество. Особенно обоготворялась кошка въ древнемъ Египтѣ, въ тѣ времена, когда тамъ жилъ Юсифъ, проданный туда своими братьями. Тогда въ честь кошки тамъ устраивались цѣлыя церемоніи; когда кошка оклѣвала, то по ней носили трауръ и бальзамировали ея трупъ, чтобы она никогда не сгнивала. Если кто-нибудь убивалъ кошку, то его подвергали за это смертной казни, и когда случался въ домѣ пожаръ, то прежде всего спасали не дѣтей, а кошекъ.

Въ настоящее время кошка распространена повсюду, гдѣ живетъ человѣкъ: ея нѣтъ только на крайнемъ сѣверѣ и въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ человѣкъ кочуетъ. Она отлично переноситъ любой климатъ, но можетъ жить только тамъ, гдѣ заведено хозяйство. Всю жизнь про-

водя при человѣкѣ, кошка никогда не подчиняется ему такъ, какъ собака, и въ какихъ-бы обстоятельствахъ она ни находилась, сытая или голодная, здоровая или больная, она всегда сохраняетъ свою самостоятельность: она подчиняется человѣку только тогда, когда находить это для себя выгоднымъ. Если человѣкъ занимается ею, то она привязывается не къ одному ему, а ко всей его семьѣ, а если онъ равнодушенъ къ ней, то она привязывается къ его дому. Если ее кормятъ впроголодь, то она не будетъ заглядывать своему хозяину въ глаза, такъ, какъ это дѣлаетъ собака, а старается добыть себѣ пищу сама: ловить мышей, а если мышей нѣтъ, то, не порывая съ домомъ, уходитъ въ лѣсъ; тамъ она ловитъ птицъ и лягушекъ и, насытившись, возвращается домой. Бываетъ и такъ, что кошка уходитъ изъ дому весной и возвращается назадъ только къ осени, приводя при этомъ съ собою и котятъ. Въ нашей усадьбѣ былъ такой случай: мы, дѣти, стали замѣчать, что кошка стала надолго скрываться; это заинтересовало насъ; мы стали за ней слѣдить и скоро замѣтили, что она нѣсколько разъ въ день стала влѣзать на высокое дерево, на вершинѣ котораго было множество грачиныхъ гнѣздъ.

— Это не хорошо, сказалъ намъ садовникъ.—Такъ она перетаскаетъ всѣхъ маленькихъ граченятъ, а грачь — птица Божія. Она оберегаетъ нашъ садъ отъ насѣкомыхъ.

Тогда мой братишка захотѣлъ вдругъ избавить грачей отъ кошки и, услѣдивъ, когда она полѣзла на дерево, и самъ сталъ вскарабкиваться вслѣдъ за нею. Добравшись до самой маковки, туда, гдѣ были уже одни только гнѣзда грачей, онъ, къ удивленію своему и нашему, въ одномъ изъ нихъ увидѣлъ кошку; она лѣжала въ немъ и кормила молочкомъ своихъ новорожденныхъ котятъ. Это разочаровало насъ; мы ужасно любили маленькихъ животныхъ и были-бы безконечно рады, если-бы у насъ въ усадьбѣ появились вдругъ котятки. Кошка-же не пожелала показать намъ своихъ дѣтей; она свела ихъ съ дерева только тогда, когда они выросли уже большіе и куда-то убѣжали въ тотъ-же день, чтобы самимъ позаботиться о себѣ и не должаться передъ человекомъ.

Кошки очень чистоплотны, постоянно умываются, очищаются своими щетинистыми языками отъ пыли и соринокъ и этимъ рѣзко отличаются отъ собакъ. Ходятъ онѣ такъ деликатно, что ихъ шаговъ совершенно не слышно. Онѣ ловки и быстры, отлично и легко взбѣгаютъ на деревья и даже на стѣны, лишь-бы ихъ поверхность была шероховатой. Особенно легко кошка

падаетъ: она всегда во время паденія становится на лапки, хотя кажется страннымъ, какъ она можетъ перевернуться для этого въ воздухѣ? Вѣдь для того, чтобы перевернуться, всегда необходимо обо что-нибудь упереться. Обо что-же она упирается въ воздухѣ, сорвавшись, на примѣръ, съ высоты второго этажа? Это долго служило загадкой, пока наконецъ не было замѣчено, что, падая съ высоты, кошканикогданеподжимаетъ хвоста, а вытягиваетъ его во всю длину и вертитъ только самымъ его кончикомъ, какъ рулемъ, направляя имъ свой полетъ.

Кошка любитъ спать на мягкомъ, но очень не любитъ, когда ее укроешь. Собака—наоборотъ: довольствуется сномъ на голой землѣ, но рада понѣжится подъ одѣяльцемъ. Собака, и въ особенности, изъ породы лаекъ и шпицовъ, даже иногда любитъ поспать на сквозномъ вѣтру, кошка же не выносить вѣтра и очень бываетъ недовольна, когда онъ дуетъ ей въ ухо. Отъ этого у нея кружится голова. Кошка ужасно боится дождя: для нея цѣлое несчастіе, если ее достигнетъ гдѣ-нибудь на охотѣ дождь и намочитъ ей шерсть. Сломая голову, она несется тогда куда-нибудь подъ крышу или въ домъ и долго не приходитъ въ себя, все время облизывая свою шерсть и умывая рыльце лапкой. Поэтому долго думали, что кошка боится воды, но это оказалось несправед-

ливымъ. Правда, кошка очень неохотно ступаетъ по сырости, но если пронюхаетъ, что гдѣ-нибудь можно поживиться живой рыбкой, то не прочь и помочиться въ водѣ. Такъ, на пароходной пристани въ одномъ большомъ городѣ жилъ сѣрый котъ, который въ теченіи всего лѣта по цѣлымъ часамъ проживалъ у воды и, приподнявъ надъ водою лапку, удиль ею рыбку. Едва только рыба подплывала къ нему близко, какъ онъ въ одно мгновеніе, на глазахъ у всѣхъ, опускалъ лапку въ воду и вонзалъ въ рыбу спину свои острые когти. Но иногда случалось, что онъ промахивался и рыба отъ него ускользала. Тогда онъ сваливался въ воду весь и ему приходилось изъ нея выплывать. Вообще-же кошки плаваютъ отлично, не хуже собакъ. Извѣстенъ и такой случай: кошка долго жила въ одной деревенской усадьбѣ, помѣщавшейся на берегу довольно быстрой, небольшой рѣчки; когда кошка отправилась на охоту, то въ ея отсутствіе вся усадьба сгорѣла до тла; ея обитатели со всѣмъ своимъ оставшимся скарбомъ перешли въ бродъ рѣчку и на время поселились въ уцѣлѣвшемъ на другомъ ея берегу сарайчикѣ; черезъ нѣсколько времени кошка возвращается съ охоты домой, видитъ, что отъ усадьбы ничего не осталось, въ первое время бродить съ жалобнымъ мяуканьемъ по обгорѣвшимъ останкамъ и наконецъ, замѣтивъ, что весь домашній скарбъ

перенесенъ на другую сторону рѣчки, она осторожно входитъ въ воду, переплываетъ черезъ быструю рѣчку и затѣмъ преспокойно устраивается на составленныхъ въ груды вещахъ; кстати сказать, ея хозяева здѣсь вовсе ее не интересовали; она даже и не показалась имъ; ей важно было не разстаться съ самимъ хозяйствомъ.

Кошка обладаетъ одной особенностью, которой не наблюдается у другихъ животныхъ; она любитъ запахъ сѣна. Стоитъ только появиться въ домѣ охапкѣ сѣна, какъ она ужъ тутъ какъ тутъ, ложится на него и начинаетъ мурлыкать. При этомъ и ея шерсть пріобрѣтаетъ запахъ сѣна, который держится въ ней довольно долго; очевидно, кошка большая модница и любитъ, чтобы отъ нея пріятно пахло. Но вообще у нея обоняніе развито слабо: съ помощью одного только своего чутья кошка всегдабы оставалась голодной. Такъ, напр., если поднести къ ней мышъ, посаженную въ ящикъ, но такъ, чтобы она тамъ не двигалась вовсе, то кошка вовсе и не почуветъ, что въ ящикѣ находится ея лакомая пища. Для кошки важно именно услышать, что тамъ что-то двигается. Слухъ у кошки развитъ поразительно: она слышитъ движеніе мыши за двадцать шаговъ и, что удивительно, слышитъ его даже во снѣ. Стоитъ только мышкѣ пошевелиться гдѣ-нибудь подъ поломъ,

какъ кошка быстро пробуждается, начинаетъ соображать, откуда до нея донесся шорохъ, и усаживается за охоту. Терпѣніе у нея при этомъ громадное; она цѣлый часъ и даже весь день или всю ночь можетъ просидѣть, недвигаясь, передъ норкой. Итакъ, обоняніе у кошки мало развито: она не чувствуетъ, а слышитъ. Но гораздо лучше, чѣмъ обоняніе, у кошки развито осязаніе и именно въ усахъ; стоитъ только самымъ осторожнымъ образомъ дотронуться до одного только волоска на усахъ, какъ она тотчасъ-же завертитъ головой. И прежде чѣмъ приняться за брошенный ей кусокъ, она всегда потрется объ него сперва одной стороною усовъ, а потомъ другой, а намъ кажется при этомъ, что она старается лучше изловчиться, чтобы взять этотъ кусокъ. Зрѣніе у кошки развито въ высокой степени: она видитъ даже въ полной тьмѣ, тамъ, гдѣ нѣтъ ни единой щелки, въ которую проникалъ-бы хоть ничтожный лучъ свѣта. Кошка не лишена способности различать тоны звуковъ и цвѣта: она откликается на звукъ «с» и не выноситъ звука «р». Вѣроятно потому-то мы и зовемъ ее къ себѣ «кс-кс-кс», а когда хотимъ прогнать, то кричимъ ей «бррысь!». Звукъ «с» кошки такъ любятъ, что бѣгутъ на него даже и тогда, когда онъ производится не ртомъ, а треніемъ одного металла о другой, какъ напр., точкой ножика о ножикъ. Кошка отлично умѣетъ находить

дорогу къ своему дому, а на свою родину она возвращается даже и тогда, если ее перенести изъ нея на рукахъ въ завязанномъ мѣшкѣ. Эта ея способность находить дорогу, не видя самой дороги, до сихъ поръ составляетъ собою загадку.

Кошка очень смѣла, она не боится вступать въ битву съ любымъ врагомъ, какъ-бы онъ силенъ ни былъ, но никогда не вступаетъ въ эту битву, не попытавшись сначала удрать. Только въ крайнемъ случаѣ, когда эта ея попытка остается безъ успѣха, она вступаетъ съ падающимъ въ бой и прежде всего старается дать ему лапами нѣсколько пощечинъ и расцарапать ему когтями морду и даже глаза. Кошку можно испугнуть съ мѣста, но не испугать; ее не удивишь ничѣмъ, она очень хитра и всегда найдетъ удобный моментъ для бѣгства.

Въ отличіе отъ собаки, кошка не горда и не тщеславна; она не хвастается и не стыдится; она никогда съ сознаниемъ вины не ползаетъ передъ хозяиномъ на брюхѣ. Когда ее накажутъ, то она только встряхивается и больше ничего. Совсѣмъ не такъ, какъ собака: та поджимаетъ хвостъ, конфузится отъ одного только выговора своего хозяина и даже плачетъ, а кошка не плачетъ никогда. Поэтому-то и говорятъ: «котъ наплакалъ», когда хотятъ этимъ указать, что чего-нибудь не достаетъ.

Свою ласку кошка выказываетъ

тѣмъ, что трется щекой или бокомъ о того человѣка или о то животное, къ которому хочетъ приласкаться, а свое неудовольствіе она выражаетъ тѣмъ, что начинаетъ шевелить самымъ кончикомъ хвоста.

Кошки—прекрасныя матери; онѣ очень любятъ и берегутъ своихъ котятъ. Но если къ котятамъ положить кроликовъ, зайчатъ, маленькихъ лисичекъ и даже щенятъ, то онѣ съ такимъ-же успѣхомъ и любовію выкармливаютъ и ихъ. И бываетъ очень странно смотрѣть, когда эта разноплеменная семья начнетъ играть: неуклюжій щенокъ и граціозный котенокъ начинаютъ выдѣлывать уморительныя штуки каждый по своему, а тутъ-же сидитъ мать, которая вовсе и не замѣчаетъ между ними разницы.

Кошка вовсе не знаетъ счета. Она заботится о котятахъ только пока видитъ ихъ и слышитъ, но если незамѣтно отбирать ихъ отъ нея по одному, то она даже и не спохватывается, что кого-нибудь изъ нихъ не достаетъ. Она начинаетъ волноваться только тогда, когда у нея будетъ взятъ и послѣдній. Но если она ихъ видитъ или слышитъ, то она тотчасъ-же всѣхъ ихъ отыскиваетъ, заботливо переноситъ cadaго изъ нихъ въ пасти по одному къ себѣ въ гнѣздо и начинаетъ ихъ облизывать и кормить. Кошка рѣдко мѣняетъ свое гнѣздо; гдѣ у нея родились котята, тамъ она ихъ и выкармливаетъ; но если

ей начинаетъ вдругъ угрожать опасность, то она долго не раздумываетъ, выбираетъ себѣ новое, болѣе безопасное мѣсто, какъ напр. даже птичье гнѣздо, и переноситъ въ него своихъ дѣтенышей.

Но какъ-бы равнодушно кошка ни относилась къ человѣку и какъ-бы враждебно она ни встрѣчала всегда собаку, однако извѣстно много случаевъ, когда кошка искренно и близко привязывалась къ своему хозяину, въ особенности къ женщинѣ, провозжала его въ лѣсъ, ходила съ нимъ гулять по городу или радостно потомъ его встрѣчала. Извѣстенъ случай, когда, заслышавъ на лѣстницѣ шаги своего хозяина, кошка выжидала, когда раздастся его звонокъ, и затѣмъ со всѣхъ ногъ вдругъ бросалась въ переднюю, чтобы его встрѣтить. Извѣстно также много случаевъ, когда кошки дружно жили съ собаками, и даже съ маленькими птичками. Нѣкоторые изъ этихъ случаевъ были приведены въ «Золотомъ Дѣтствѣ» за предыдущіе годы. Но все это, конечно, исключенія, такъ какъ кошка—это другъ равнодушный и привязчивостью не обладаетъ. Она долго уже жила и долго еще будетъ жить при человѣкѣ, но привязанность ея къ нему отъ этого не увеличится. Несомнѣнно даже, что она его и любитъ, но только по своему, по кошачьи, совсѣмъ не такъ, какъ это понимаютъ человѣкъ и его преданный, безкорыстный другъ собака. **С. Вершининъ.**

ПѢТУХЪ и СКВОРЕЦЪ.

Басня.

Однажды шли утята и рыдали.

—«О чемъ вы плачете?» спросилъ ихъ Пѣтушокъ.

Ему утята отвѣчали:

—«Да какъ-же намъ не плакать, коль хорекъ

Заѣлъ мамашу

Нашу?»..

Утята пуще зарыдали

И въ путь опять заковыляли,

Но Пѣтухъ,

Всѣхъ выбравивъ ихъ вслухъ,

Такую имъ заѣлъ рацею:—

—«Объ васъ я, дѣтки, сожалѣю

«Но лишъ скажу вамъ: «Дураки»!

«Вѣдь это пустяки!

«Не все-ль равно, жива-ли ваша matka,

«Иль ей хорекъ полакомился сладко?

«Вѣдь кормить васъ до-сыта человѣкъ?

«Къ тому-же и лягушки здѣсь не плохи...

«Зачѣмъ-же эти вздохи,

«Коль хватить ихъ на цѣлый вѣкъ?»

И долго вслухъ

Утятюкъ поучалъ Пѣтухъ

О томъ, что если кто багатъ и ѣсть прилично,

То можетъ и безъ матери прожить отлично.

Умолкъ онъ наконецъ.

А бѣдныя утята шли ужъ къ рѣчкѣ.

—«Несчастный!» тутъ вздохнулъ Скворецъ,

Въ скворешникѣ сидѣвшій на крылечкѣ.

И слышавшій, какъ нашъ Пѣтухъ

Къ несчастію утятъ былъ глухъ,

(И птичьєю слезой его сверкнули глазки).

«Ужель мнѣ нужно объяснять,

«Что для дѣтей нужны не кормъ, а ласки,

«И что главнѣй всего для нихъ—есть мать?».

Кузнечикъ.

Игра въ снѣжки.

Скучная работа.

П Р І Е М Ы Ш Ъ.

Повѣсть.

(Продолженіе).

Проводивъ Женю, няня Наталья Кирилловна прошлась по комнатамъ проданнаго уже домика и онѣ показали ей какъ-то сразу вдругъ опустѣвшими, точно дѣвочка занимала его весь. Наступилъ затѣмъ вечеръ, няня сѣла на ступеньку террасы и долго думала о себѣ. Ей было горько и обидно, что ее разлучили съ ея воспитанницей и отказали отъ мѣста. Куда теперь дѣваться? Куда она пойдетъ и что будетъ теперь дѣлать?

На утро явились какіе-то люди въ сопровожденіи господина въ соломенной шляпѣ. Они описали всю мебель, заперли дачу на ключъ и сказали нянѣ, что она можетъ уходить. Дача со всей обстановкой досталась другимъ, ее продали и никому не было ровно никакого дѣла, куда теперь дѣнется няня и куда она теперь пойдетъ.

Она собрала свои пожитки и отправилась въ Ялту. Денегъ у нея было мало, ѣхать на извозчикѣ было дорого и она сѣла на катеръ и поплыла по морю. Ѣхать на немъ было дешевле, чѣмъ на пароходѣ, и какъ разъ случилось такъ, что, какъ на грѣхъ, разразилась буря и бѣдную няню трепало вмѣстѣ съ катеромъ, какъ щепку. Когда она прибыла наконецъ въ Ялту, то у

нея кружилась голова и она шаталась изъ стороны въ сторону, какъ пьяная.

— Куда-же идти теперь? задала она себѣ вопросъ.

Былъ вечеръ. Волны съ шумомъ ударялись о набережную и дулъ вѣтеръ, но въ городскомъ саду играла музыка и пріѣзжіе гуляли по тротуарамъ и весело разговаривали. Няня шла среди нихъ, глядѣла по сторонамъ, точно ожидала, что вотъ-вотъ откуда-нибудь выскочитъ сейчасъ Женя и бросится къ ней на шею. Но Женя не выбѣгала ни откуда и нянѣ казалось, что она затеряна въ этой чужой для нея толпѣ и въ этомъ чужомъ городѣ безнадежно и навсегда.

Мимо нея шли нарядныя барыни, проходили красивыя дѣти, но никому изъ нихъ не было до нея дѣла. Она долго еще бродила взадъ и впередъ со своимъ узелкомъ и наконецъ рѣшилась и подошла къ лавочнику, стоявшему у дверей своего магазина.

— Вы не знаете, обратилась она къ нему, — гдѣ здѣсь контора для найма прислуги?

Онъ поднялъ глаза кверху, подумалъ и лѣниво отвѣтилъ:

— Не знаю.

Она пошла далѣе. Усталая, она

свернула на бульваръ и сѣла на лавочку. Теперь нужно было подумать о ночлегѣ. Ея сундукъ и постель остались на пристани, съ нею былъ одинъ только узелокъ ея наиболѣе дорогихъ вещей и теперь она не знала, какъ ей поступить? Нанять-ли гдѣ-нибудь уголь и заночевать тамъ безъ всего, или-же возвратиться на пристань и попытаться провести ночь подъ открытымъ небомъ?

И вдругъ до нея долетѣлъ разговоръ двухъ дамъ, которыя проходили мимо нея по бульвару.

— Я просто измучилась безъ няни! говорила одна изъ нихъ.—Моя Маруся все время одна... Бѣдняжка скучаетъ, а я не могу заниматься съ нею сама, потому что все время провожу около больной сестры...

— А вы обратитесь въ контору для найма прислуги, отвѣтила ей другая дама,—или напечатайте въ газетѣ объявленіе.

Няня Наталья Кирилловна услышала этотъ разговоръ и встрепенулась. Она вскочила съ мѣста, подбѣжала къ дамамъ и долго шла слѣдомъ за ними, не рѣшаясь окликнуть ихъ и обратить на себя ихъ вниманіе.

Дамы сошли съ бульвара и остановились около рѣшотки одного небольшого дома. Завидѣвъ ихъ, изъ садика выбѣжала дѣвочка лѣтъ девяти съ распущенными волосами и въ бѣлой фескѣ и бросилась одной изъ нихъ на шею.

— Мамочка! Мамочка! закричала она.—Какъ я безъ тебя скучала!

Дамы простились. Одна изъ нихъ пошла дальше, а другая съ дѣвочкой собралась уже войти въ калитку, какъ няня Наталья Кирилловна набралась храбрости и окликнула ее:

— Сударыня!..

Дама съ дѣвочкой обернулись.

— Сударыня, продолжала няня Наташа,—не нужна-ли вамъ няня?

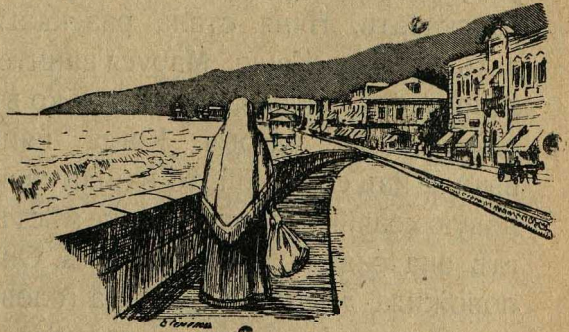
Дамаоглядѣла ее съногъ доголовы.

— А вы гдѣ раньше служили? спросила она ее.

Наталья Кирилловна рассказала ей все. Рассказывая, она не сумѣла совладѣть съ собой, и, вспомнивъ Женю, вдругъ бросилась къ дѣвочкѣ, прижала ее къ себѣ и горячо поцѣловала ее въ обѣ щеки. Это расположило къ ней даму и дѣвочку.

— Ну, что, Маруся? обратилась дама къ дочери.—Хочешь имѣть няню?

Маруся улыбнулась и отвѣтила:—Хочу.

Она долго бродила взадъ и впередъ со своимъ узелкомъ.

Наталью Кирилловну ввели въ домъ и стала она няней у Маруси.

Послѣ разлуки съ Женей нянѣ показалось, что она вновь нашла свой домъ, и ей было пріятно, что дѣвочка встрѣтила ее довѣрчиво и съ первой же минуты къ ней расположилась. Сама дама при свѣтѣ лампы показалась нянѣ блѣдной и можно было сразу-же догадаться, что на душѣ у нея было тяжело.

— Ну, вотъ, няня... обратилась она къ Наташѣ.—Это наша квартира... Здѣсь мы живемъ только вдвоемъ, а моя сестра хвораетъ... Она лежитъ въ санаторіи и я хожу туда къ ней каждый день.

Маруся и ея мама сѣли ужинать и няня прислуживала имъ за столомъ въ первый разъ. Онѣ обращались съ ней просто и ласково и совершенно не было похоже на то, что няня была нанята только два часа тому назадъ.

Въ десять часовъ Маруся легла спать. Няня раздѣла ее и уложила въ постельку. Маруся долго не могла уснуть и все просила что-нибудь ей рассказать. Няня стала рассказывать ей про Женю, Маруся заинтересовалась ею и заснула только въ одиннадцать часовъ. Когда няня вышла изъ спальни, то нашла свою новую хозяйку все на томъ-же мѣстѣ, гдѣ она сидѣла и за ужиномъ. Она положила локти на столъ, а голову на локти и, повидимому, дремала.

Няня на цыпочкахъ подошла къ

ней и тихонко поцѣловала ее въ голову!

— Идите, барыня, спать... обратилась она къ ней. — Вы, должно быть, устали!

Дама подняла голову и взглянула на нее такъ-же довѣрчиво, какъ и передъ сномъ Маруся.

— Да, няня, отвѣтила она, — я устала. Сегодня цѣлую ночь дежурила около сестры и не смыкала глазъ. Она очень больна. Пора уже домой, насъ давно уже ожидаютъ мой мужъ и сынокъ, а уѣхать нельзя... Такъ мнѣ здѣсь все надоѣло!

Няня разспросила ее о мужѣ и сынкѣ и между ними сразу-же завязался искренній, хорошій разговоръ. Они какъ-то сразу вдругъ поняли другъ дружку и когда разошлись, то каждая изъ нихъ была довольна.

— Это мнѣ ее самъ Богъ послалъ! думала дама, укладываясь спать.

А няня крестила большимъ крестомъ сладко спавшую Марусю и шептала:

— Кажется, я попала къ хорошимъ людямъ! Слава тебѣ, Господи!

Эту даму звали Ольгой Ивановной. Ея мужъ служилъ въ Ярославлѣ, а сынъ Вася учился тамъ въ первомъ классѣ гимназіи.

Двѣнадцать дней спустя, Ольга Ивановна получила изъ дому телеграмму, въ которой ея мужъ Александръ Николаевичъ сообщалъ ей, что Вася заболѣлъ и хочетъ видѣть

свою мать. Ольга Ивановна встревожилась, засуетилась, засбиралась домой и чувство тяжелаго безпокойства за Васю овладѣло всею ея душой. Она поговорила съ докторомъ въ санаторіи относительно сестры, наняла къ ней сидѣлку и вмѣстѣ съ Марусей и няней Натальей Кирилловной отправилась въ дальній путь. Сѣвъ на пароходъ, она почувствовала себя такъ, точно вырвалась на свободу, но мысль о Васѣ не давала ей покоя и ей хотѣлось, чтобы пароходъ шелъ скорѣе, а поѣздъ летѣлъ, какъ стрѣла.

И какъ раньше передъ Женей, передъ няней Натальей Кирилловной потянулись сперва Крымскія горы, затѣмъ показался Севастополь, а потомъ замелькали станціи желѣзной дороги и города—и вотъ наконецъ она и въ Ярославлѣ. На вокзалѣ ихъ встрѣчаетъ Александръ Николаевичъ, къ нему съ веселымъ визгомъ бросается на шею Маруся, Ольга Ивановна хочетъ спросить его о Васѣ, но по выраженію его лица догадывается, что Вася уже здоровъ. Они садятся въ экипажъ и ѣдутъ къ себѣ домой.

Раннее утро. Звонятъ колокола. Слышны не то фабричныя, не то пароходныя гудки. Затѣмъ няня видитъ себя на берегу великой рѣки. Это Волга! У пристаней стоятъ пароходы и дымятъ, плывутъ баржи, безконечныя плоты. Блистаютъ куполами старинныя церкви и звонить трамвай. Много зелени. Гдѣ-то

внизу, у самой рѣки, раздается пѣніе хоромъ: это грузчики притягиваютъ къ берегу баржу.

Няня взглянула на эту рѣку, на этотъ чисто-русскій городъ, съ его церквями и монастырями, прислушалась къ звону колоколовъ и къ гудкамъ и ей стало вдругъ такъ пріятно, что захотѣлось даже смѣяться.

«Цѣлые восемь лѣтъ я не бывала въ этихъ мѣстахъ»... подумала она.— «Здѣсь гдѣ-то, верстъ за полтора отсюда, и моя милая Женя. Сама судьба сближаетъ меня съ нею. Только гдѣ она? Вотъ поразспрошу о томъ, гдѣ находится Ильинское, бывшее инженера Кирсанова, и поѣду съ ней повидаться! Но въ Ильинскомъ-ли она?»

Вася оказался славнымъ малымъ и скоро сдружился съ няней. Каждый день она ходила вмѣстѣ съ Марусей гулять на набережную и заходила за Васей въ гимназію. Всѣ втроемъ они возвращались обратно домой. А когда наступалъ вечеръ, то Наталья Кирилловна рассказывала имъ сказки или-же говорила о Женѣ; они слушали ее, широко раскрывъ глаза, и Женя казалась имъ почему-то героиней и имъ хотѣлось знать, гдѣ она сейчасъ, что дѣлаетъ и какъ живется ей теперь на чужбинѣ, но няня не могла отвѣтить имъ опредѣленно, такъ какъ и сама не знала ничего. Но Маруся и Вася заинтересовались Женей и каждый разъ заставляли няню повторять то,

что уже слышали отъ нея не разъ.

А Женя находилась всего только въ ста верстахъ отъ нихъ и даже и не предполагала, что о ней думаютъ и говорятъ.

Прошла недѣля. Тотчасъ-же по приѣздѣ, Женѣ очень нравилось въ Ильинскомъ. Усадьба дѣйствительно была великолѣпная. На высокомъ берегу быстрой, живописной рѣки стоялъ роскошный домъ, похожій на замокъ, и позади него тянулся вѣковой, безконечный паркъ, походившій на сказочное царство. Женѣ казалось, что хитрѣя феи посадили въ немъ диковинные цвѣты и все устроили для того, чтобы плѣнить попавшихъ въ него людей. Она гуляла, часто нагибалась, чтобы нюхать цвѣты, и ей и въ голову не приходило, что когда-то она была здѣсь у себя дома и что всего только девять или восемь лѣтъ тому назадъ ее катали въ колясочкѣ по этимъ щегольскимъ, усыпаннымъ песочкомъ, аллеямъ, которыми впереди не видѣлось конца.

Приѣхали неожиданно гости цѣлой семьей. Обѣдали на террасѣ, на открытомъ воздухѣ, и двѣ горничныя, въ туго накрахмаленныхъ чепцахъ, безшумно ходили вокругъ стола и обносили кушаньями. Для Жени этотъ обѣдъ былъ первымъ испытаніемъ: сумѣетъ-ли она держать вилку и ножикъ такъ, какъ принято въ хорошемъ обществѣ?

Сможетъ-ли она положить себѣ съ протянутого къ ней блюда именно столько, сколько нужно? Не подумаютъ-ли, что она жадная? Но обѣдъ прошелъ вполнѣ благополучно, она держала себя такъ, точно всю жизнь прожила въ аристократическомъ домѣ, весело и остроумно отвѣчала на вопросы и Сергѣй Андреевичъ то и дѣло поглядывалъ на нее и улыбался. Сама Нина Петровна начинала теперь уже убѣждаться, что Женя не нарушитъ общаго теченія жизни въ ея семьѣ, и старалась быть съ нею болѣе ласковой, чѣмъ была до сихъ поръ. Дима и Вѣрочка не отрывали отъ Жени глазъ. Что-же касается Эльзы Христіановны, то гувернантка сидѣла рядомъ съ Женей и плотно сжавъ губы и нахмутивъ брови, то и дѣло дергала ее подъ столомъ за платье, находя, что она не умѣетъ себя держать.

— Какъ вы держите ложку? то и дѣло шептала она.—Перестаньте такъ громко жевать! Помните, гдѣ вы сидите!

Тотчасъ-же послѣ обѣда гости уѣхали, Сергѣй Андреевичъ пошелъ отдыхать, а Нина Петровна съ дѣтьми, взявши корзинки, отправились по грибы. Женя никогда еще не бывала въ лѣсу и не видала ниразу какъ растутъ грибы, и ей очень хотѣлось отправиться вмѣстѣ со всѣми; но въ ту самую минуту, когда всѣ они вышли уже съ корзинками въ паркъ и направились къ калиткѣ,

Нина Петровна спросила Женю, почему она безъ шляпы?

— Простите... отвѣтила дѣвочка.—Я позабыла...

— Такъ вернись скорѣе и надѣнь шляпу или-же возьми съ собою зонть. Онъ стоитъ въ швейцарской въ углу. Съ розовыми полосками!

Женя тотчасъ-же побѣжала въ домъ исполнить приказаніе Нины Петровны, но едва только она вошла въ швейцарскую, какъ ее встрѣтила тамъ Эльза Христіановна.

— Вы что здѣсь дѣлаете? спросила она ее.

— Пришла за шляпой... отвѣтила Женя.

— Идите за мной!

Женя смутилась и покорно послѣдовала за гувернанткой. Онѣ прошли въ классную.

— Мы будемъ сейчасъ заниматься языками, сказала Эльза Христіановна.

У Жени навернулись на глаза слезы.

— Но вѣдь всѣ мы идетъ сейчасъ въ лѣсъ!.. отвѣтила она.— Меня послала сама Нина Петровна!

— Прошу не разсуждать! отвѣтила ей гувернантка.

Она положила передъ Женей тетрадь и нѣмецкія прописи и приказала ей списывать съ нихъ буквы. Женя вспыхнула, ее правдивая, не привыкшая къ насилію, душа почувствовала себя оскорбленной и ей захотѣлось заплакать. Но она сдер-

жала себя и обратилась къ гувернанткѣ съ просьбой.

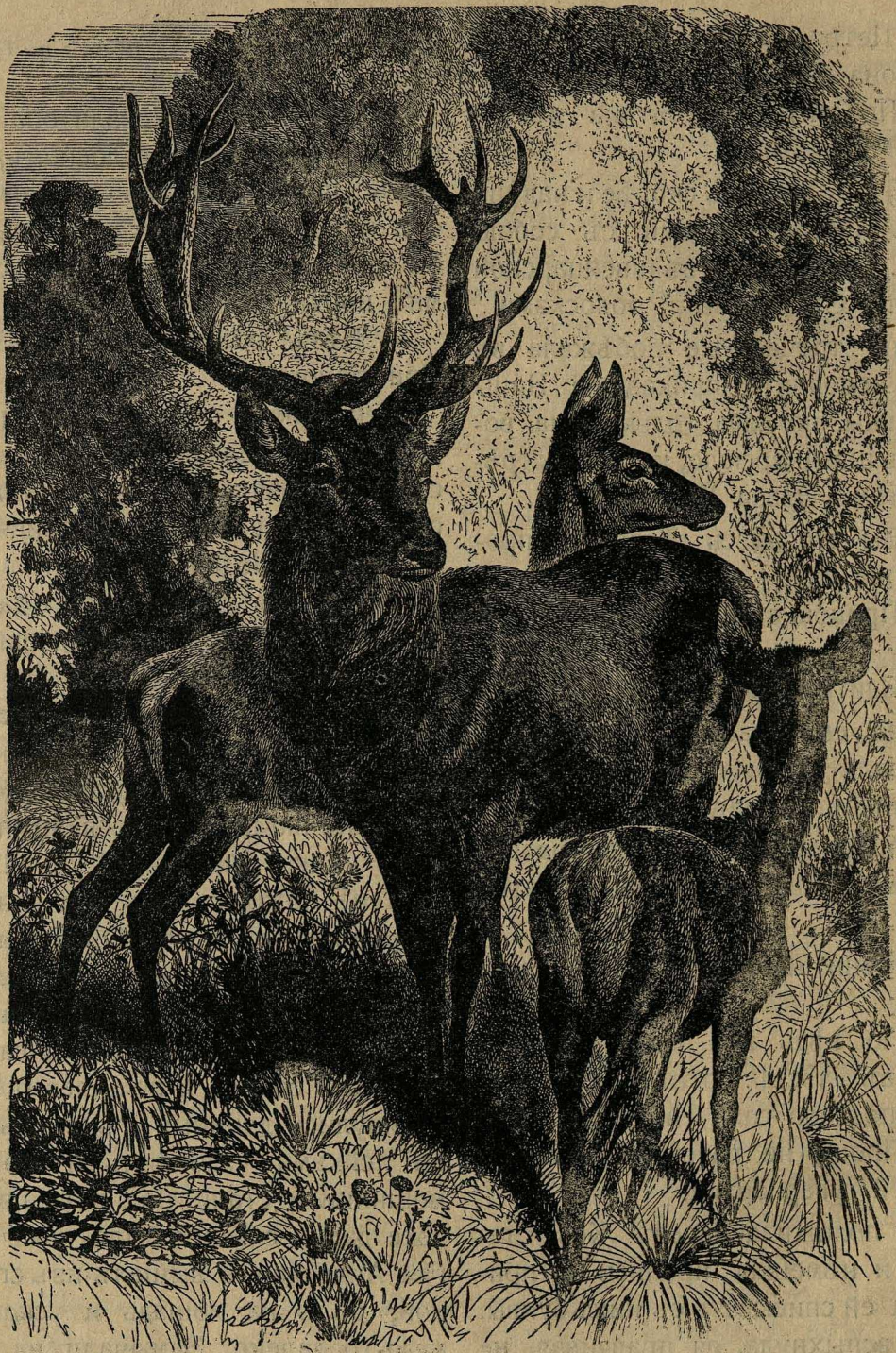
— Фрейлейнъ, сказала она нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ, такимъ просительнымъ и мягкимъ, отъ котораго, кажется, сдвинулись бы съ мѣста камни. — Позвольте мнѣ пойти со всѣми въ лѣсъ!

— Нѣтъ! рѣзко оборвала Эльза Христіановна.

Женя низко склонилось надъ тетрадкой и стала писать. Эльза Христіановна взяла какое-то вязанье, сѣла тутъ-же рядомъ и принялась за работу. Поднявши одинъ разъ голову, Женя увидѣла, какъ далеко въ концѣ парка мелькнули фигуры Нины Петровны и ея дѣтей. Онѣ остановились, очевидно, поджидая ее, и затѣмъ, не дождавшись, отворили калитку и вышли въ поле.

— Же-ню-ша!! донесся до плѣнницы крикъ Димы.—Мы ушли!!

Женѣ казалось, что она занималась цѣлую вѣчность. Она исписала уже нѣсколько страницъ, ея пальцы онѣмѣли отъ держанія пера, а все еще не было конца этому писанью. Садилось солнце и по аллеямъ парк потянулись длинныя тѣни. Вышли съ лейками садовникъ и его помощники и стали поливать цвѣты. Уже давно слышно было, какъ Сергѣй Андреевичъ вышелъ изъ спальни, сѣлъ на лошадь и ускакалъ куда-то далеко. Замычали на заднемъ дворѣ коровы, кто-то выстрѣлилъ по ту сторону рѣки и эхо разнеслось по всѣмъ лѣсамъ. Въ

О л е н и .

открытое окошко повѣяло прохладой и потянуло запахомъ цвѣтовъ. И вдругъ внизу слышались голоса и шаги; это вернулась изъ лѣса Нина Петровна съ дѣтьми.

— Женя дома? услышала Женя голосъ Димы.

И кто-то отвѣтилъ:—Виноватъ, не знаю: должно быть, дома!

Эльза Христіановна св ернула свое вязанье, положила его въ коробочку и поднялась съ мѣста.

— Теперь можете идти! сказала она.—Уберите тетради! Оботрите перо!

Женя вскочила, засуетилась, кое-какъ исполнила то, что приказала ей гувернантка, и бросилась къ двери.

— Подождите! вдругъ крикнула ей гувернантка.—Вернитесь! Подите сюда!

Женя подошла къ ней.

— Полагаю, что вы и сами понимаете, что долгъ прежде всего, сказала гувернантка.—Поэтому я совѣтовала-бы вамъ не строить изъ себя страданицу и не затруднять съ первыхъ-же вашихъ шаговъ Нину Петровну жалобами на то, что будто бы васъ здѣсь стѣсняють и лишаютъ свободы.

И она сдѣлала удареніе на словѣ «будто-бы».

— Вы поняли меня? спросила она такъ выразительно, что у Жени похолодѣло подъ сердцемъ.—Я не намѣрена ссориться изъ-за васъ

съ Ниной Петровной! Вы будете молчать?

— Да... чуть слышно отвѣтила Женя.

И точно вырвавшаяся на свободу птичка, она выпорхнула изъ классной и выбѣжала внизъ навстрѣчу къ дѣтямъ и Нинѣ Петровнѣ.

— Ты здѣсь? удивился Дима.—А мы-то тебя такъ долго ждали!

Вѣрочка подбѣжала къ Женѣ съ корзиной.

— А сколько мы нашли бѣлыхъ грибовъ! воскликнула она.—Насилу донесли!

Женя нагнулась къ корзинамъ и стала разглядывать еще неви-

— Вернись скорѣе и надѣнь шляпу, или-же возьми съ собою зонть. Онъ стоитъ въ швейцарской, въ углу!..

данные ею грибы. Нина Петровна отправилась къ себѣ, вымыла руки и стала одѣваться въ другое платье. Когда она вышла въ гостиную, то къ Женѣ подошла горничная въ накрахмаленномъ чепцѣ и потихоньку потрогала ее за плечо.

— Пожалуйте, барышня, сказала она,—вась барыня зовутъ!

Женя оставила грибы и побѣжала въ гостиную.

— Вы меня звали, тетя? спросила она Нину Петровну.—Что вамъ угодно?

Нина Петровна подняла глаза отъ книги и спокойно, но строго сказала:

— Не хорошо заставлятъ себя ждать! Еще хуже остаться дома и не прійти! Нужно не забывать, что живешь среди людей, а не для себя одной! Можешь идти!

Женю эти слова больно кольнули въ самое сердце. Она нисколько не была виновата въ томъ, въ чемъ ее обвиняли, и стояла въ нерѣшительности: говорить ей о томъ, что ее задержала гувернатка, или не говорить? Но она вспомнила послѣднія слова. Эльзы Христіановны и смолчала.

— Можешь идти! повторила Нина Петровна.

Женя вышла изъ гостиной. Двѣ горькія слезы незаслуженной обиды покатались у нея по щекамъ. Но она сдержала себя, отерла глаза и, какъ ни въ чемъ не бывало, вышла въ столовую.

Въ это время возвратился Сер-

гѣй Андреевичъ. Онъ былъ въ высокихъ сапогахъ и въ перчаткахъ и весело похлопывалъ себя хлыстикомъ по ногамъ.

— А, крымская принцесса! воскликнулъ онъ, завидѣвъ Женю.— Ну, какъ тебѣ нравится у насъ? Ты довольна?

Она горько улыбнулась и тихо отвѣтила:—

— Да... мерси!

— Ну, я такъ и зналъ, что ты здѣсь скоро со всѣми сойдешься!

И онъ взялъ ее за щеки и поцѣловалъ ее въ лобъ.

Вечеромъ, ложась спать, Женя долго молилась Богу и просила Его, чтобы Онъ возвратилъ ее опять на берегъ моря въ милый Учъ-Кой, гдѣ осталась безъ нея няня Наташа, которую она любила больше всѣхъ.

— Боженька, шептала она,—если я въ чемъ-нибудь согрѣшила передъ Тобой и ты наказываешь меня за это, то прости меня: я больше не буду!

И, какъ и тогда, въ первую ночь, къ ней пришла Прасковья взять ея башмаки въ чистку и думая, что она спитъ, долго надъ ней причитала. Женя притворилась спящей и поглядывала на нее однимъ глазкомъ изъ щелочки, образовавшейся въ одѣялѣ, и ей хотѣлось вскочить, броситься ей на шею и пожаловаться ей на свое одиночество, но она не посмѣла и продолжала дѣлать видъ, что спитъ.

— Милая ты моя! вдругъ закон-

чила Прасковья свои причитанія— Вѣдь мы—я, нянька Егоровна, да садовникъ, служили еще твоему покойному папашенькѣ, царство ему небесное, и видѣли, какъ онъ тебя, болѣзную мою, въ колясочкѣ по саду каталъ! Хозяюшка ты наша ненаглядная!

Эти слова показались Женѣ странными, она не поняла ихъ, но что-то подсказало ей, что она не должна была-бы ихъ слышать, и она сдѣлала видъ, что пошевелилась во снѣ.

— Уйду, уйду! заговорила, Прасковья.— Спи спокойненько, Господь тебя благослови!

И ступая на цыпочкахъ такъ, что отъ этихъ цыпочекъ трещалъ весь полъ и скрипѣла лѣстница, Прасковья удалилась изъ комнаты Жени.

Такъ прошла эта цѣлая недѣля. Все время Женя скучала, ожидала

письма отъ няни Натальи Кирилловны и тосковала. Она написала въ Ялту письмо, въ которомъ изливала нянѣ всю свою душу, но вошла гувернантка, взяла отъ нея это письмо и прочла. Это обидѣло Женю, она скомкала письмо и бросила его въ умывальникъ. Ей было больно, что въ интересы ея души вторгалась женщина, которой она не залюбила съ перваго-же взгляда, и она не дѣлала уже вторично попытки кому-бы то ни было писать.

— Мнѣ пріятно, что ты у насъ не скучаешь, обратился къ ней однажды Сергѣй Андреевичъ.— Если бы ты скучала, то каждый день писала бы кучи писемъ. Это было бы въ порядкѣ вещей!

Она посмотрѣла на него большими, серьезными глазами, но не отвѣтила ему ничего.

К. Тр.—

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВСЕ ДОЖДЬ и ДОЖДЬ.

Все дождь и дождь!... Во мглѣ туманной

Чуть виднымъ сталъ печальный лѣсъ.

Бушуетъ вѣтеръ неустанный

И рѣдко теплый лучъ желанный

Бросаешь солнышко съ небесъ.

Все дождь и дождь!... Повсюду лужи,

На землю съ крышъ потоки льютъ,

Что день,—то пасмурнѣй и хуже

И отъ осенней, острой стужи

Не знаешь, гдѣ найти пріютъ...

Кузнечикъ.

ДВА БРИЛЛІАНТА.

(Индійская сказка).

Въ далекой Индіи, жила молодая, красивая принцесса Джива. Весь ея дворъ благоговѣлъ передъ нею и падалъ пердъ нею ницъ. Весь путь ея былъ усыпанъ цвѣтами, а воздухъ былъ насыщенъ ароматомъ, исходящимъ изъ золотыхъ курильницъ. Подъ звуки сладкой музыки хоръ дѣвушекъ пѣлъ ей хвалебные гимны.

Но Дживѣ давно уже все это наскучило. Медленно поднявшись съ мѣста, она подозвала къ себѣ свою рабыню Зелиму.

— Сними съ меня всѣ эти драгоценности, Зелима, обратилась она къ ней.—Унеси ихъ! Онѣ мнѣ надоѣли. Сними съ меня эту бриллиантовую діадему и укрась мою голову цвѣтами.

Рабыня исполнила ея приказаніе. Джива легла на вышитыя серебромъ подушки дивана, стоявшаго недалеко отъ тихо журчащаго прохладнаго фонтана.

— Мнѣ скучно! сказала она.—У меня нѣтъ никого родныхъ, а всѣ вы—мои рабы и не можете быть моими друзьями. Мнѣ скучно и тоскливо одной... Расскажи мнѣ что-нибудь...

Въ это время къ Дживѣ подошла другая ея рабыня Земфора.

— Принцесса, сказала она и сдѣлала ей глубокой поклонъ.—Вотъ уже двѣ недѣли, какъ въ твою сто-

лицу привели плѣнникомъ знаменитаго мастера Саиба. Чтобы онъ не убѣжалъ, его заковали въ цѣпи и держатъ сейчасъ въ тюрьмѣ. Про него рассказываютъ чудеса. Говорятъ, что онъ дѣлаетъ такія драгоценныя вещи, дороже и красивѣе которыхъ не можетъ быть ничего на свѣтѣ. Ты-бы приказала привести его къ себѣ! Быть можетъ, онъ сдѣлалъ-бы для тебя корону или ожерелье, браслеты или брошь, которые развеселили-бы тебя и ты хоть не надолго перестала-бы скучать... Ты дѣвушка, а кто изъ насъ, дѣвушекъ, не любитъ блескъ бриллиантовъ?

Принцесса задумалась.

— Хорошо, сказала она наконецъ.—Приведите его сюда!

Чась спустя, передъ Дживой уже стоялъ Саибъ. Это былъ молодой человекъ съ благородной осанкой, полной достоинства и чести. Тяжелыя оковы висѣли у него на рукахъ и ногахъ.

— Это ты? спросила его Джива.— Ты тотъ самый, котораго зовутъ Саибомъ?

— Да, госпожа, отвѣтилъ онъ.— Это мое имя.

— Саибъ, молва говоритъ, что ты великій мастеръ. Правда-ли это?

Саибъ скромно опустил глаза.

— Да, принцесса, отвѣтилъ онъ.—

На своей родинѣ я своимъ искусствомъ добывалъ себѣ и своей матери хлѣбъ. Но пришли твои войска, взяли меня въ плѣнъ, заковали въ эти цѣпи—и вотъ я передъ тобой. Если хочешь,—то ты можешь меня казнить. Въ грусти обо мнѣ умерла моя мать—и вотъ теперь я одинъ. Я люблю людей, готовъ положить за нихъ свою жизнь, но ты сама видишь, что я теперь въ цѣпяхъ. и безсиленъ. Что я могу сдѣлать теперь для нихъ? А жить безъ близкихъ сердцу и безъ пользы для людей—что это за жизнь? Я не посовѣтовалъ-бы такой жизни и для тебя!

Принцесса нахмурилась, хотѣла было приказать увести Саиба назадъ, но пересилила себя и подзвала его къ себѣ поближе.

—Слушай, Саибъ, сказала она.—Я получила отъ своихъ предковъ много бриллиантовъ, которымъ нѣтъ цѣны. Но всѣ они такъ и лежатъ, не обдѣланные въ золото или серебро, и ихъ нельзя надѣть. Я хотѣла бы сдѣлать изъ нихъ ожерелье, но такое, чтобы оно было единственнымъ въ мірѣ и чтобы лучше его не было ни у одного изъ королей. Можешь-ли ты сдѣлать это?

— Могу!..

— Но для этого ожерелья не хватаетъ еще двухъ камней. Чтобы добыть ихъ, ты отправишься въ копи и въ рудники. Даю тебѣ для этого два года срока. Если по истеченіи этихъ двухъ лѣтъ, въ этотъ-

же самый день, ты найдешь недостающіе два бриллианта и принесешь ихъ мнѣ сюда, то я дарю тебѣ свободу и жизнь. Хочешь-ли ты быть свободнымъ?

Саибъ съ благодарностью посмотрѣлъ на Дживу.

— Я повинуюсь, принцесса, сказалъ онъ.—Это дастъ мнѣ трудъ, а трудъ повлечетъ за собою счастье...

— А даешь-ли ты слово, что возвратишься назадъ даже и въ томъ случаѣ, если не добудешь этихъ двухъ камней?

— Даю!.. Моя жизнь все равно принадлежитъ теперь тебѣ!

Джива обратилась къ стражѣ, стоявшей по бокамъ плѣннаго Саиба.

— Снимите съ него кандалы! приказала она.—Дайте ему свободу!

Застучали молотки, зазвенѣло желѣзо и тяжелыя цѣпи спали съ рукъ и съ ногъ у Саиба. Онъ сталъ свободнымъ.

— Прощай, принцесса! сказалъ онъ и направился къ выходу изъ дворца.

— Добрый путь! отвѣтила она ему.

Снова заиграли инструменты, снова рабыни запѣли, но въ ушахъ у Дживы все еще стоялъ голосъ Саиба и звучали его слова:

«А жить безъ близкихъ сердцу и безъ пользы для людей,—что это за жизнь?».

У нея не было никого изъ близкихъ на всей землѣ, а о пользѣ для людей она не думала еще ни разу. А что, если отправиться сейчасъ въ

тюрьмы, гдѣ кишать въ цѣпяхъ такіе-же плѣнники, какъ и этотъ Саибъ, и войти въ положеніе каждаго изъ нихъ, или посѣтить всѣ тѣ лачуги, которыя виднѣются тамъ далеко-далеко въ горахъ?

И самая мысль объ этомъ показала ей интересной и сразу-же разсѣяла ея тоску. Да, этотъ странный плѣнникъ сказалъ ей сейчасъ еще не слыханныя ею ни разу слова. Всѣ преклонялись передъ ней и говорили, что она умна и прекрасна, но никто не сказалъ ей, какъ несчастливы тѣ, кому Богъ не далъ ума или красоты; всѣ окружали ее ласками и богатствомъ, но никто ни однимъ словомъ не обмолвился передъ ней о тѣхъ, съ кѣмъ грубо обращались или кто находился въ безысходной нуждѣ.

И она задумалась. А около нея по прежнему рабыни падали ницъ и разсыпали нѣжные лепестки цвѣтовъ и изъ золотыхъ кадильницъ по прежнему струился благоухавшій ѳиміамъ.

Саибъ тронулся въ далекій путь.

Долго онъ шелъ и многое ему пришлось испытать въ пути.

Однажды, измученный страшной, невыносимой жарой, онъ рѣшился наконецъ отдохнуть.

Дойдя до ручейка, онъ растянулся на берегу его, на сочной травѣ.

Между вѣтвями манговыхъ деревьевъ летали по всѣмъ направленіямъ птицы и тысячи насѣкомыхъ стрекотали на всевозможные лады.

Кругомъ было тихо и прекрасно.

Мало по малу Саиба стала одолевать дремота, какъ вдругъ до него откуда-то сбоку донесся чей-то жалобный голосъ. Онъ вскочилъ, оглянулся, но не увидѣлъ никого. Стонъ повторился еще разъ и на этотъ разъ сильнѣе.

Саибъ обошелъ окружавшія его деревья и подъ однимъ изъ нихъ увидѣлъ лежавшаго больного старика.

— Что съ тобой? спросилъ онъ его.— Чѣмъ ты болѣнь?

— Не знаю, отвѣтилъ старикъ и поднялся на локоть.— Не проходи мимо меня и облегчи мои страданія! Обмочи въ этой водѣ хоть тряпку и, если у тебя хватитъ доброты, то поднеси ее къ моимъ губамъ. Я хочу пить...

Саибъ подошелъ къ ручью, набралъ изъ него въ свою кружку воды и поднесъ ее къ старику.

— Пей на здоровье!.. сказалъ онъ.— Никто не имѣетъ права отказывать своему ближнему въ помощи!

— Да будешь ты благословенъ,— сказалъ больной, утоливъ жажду.— Да благословить тебя небо за то, что ты облегчилъ мои страданія! Ты уйдешь и я уже больше никогда не увижу тебя. Но я хочу тебя достойно отблагодарить. У меня есть одна большая драгоценность. Въ складкахъ этихъ моихъ лохмотьевъ зашитъ брилліантъ чистѣйшей воды и необыкновенной величины, Этотъ камень стоитъ милліоны. Возьми его, Саибъ. Я дарю его тебѣ съ благодарностью

и чувствую себя счастливымъ, что могу это сдѣлать.

Молодой человекъ съ радостью взялъ отъ старика драгоцѣнный камень простился съ нимъ и отправился въ дальнѣйшій путь.

Долго онъ шелъ, пока наконецъ не прибылъ въ копи, въ которыхъ добывались изъ земли брилліанты. Тамъ онъ объявилъ рабочимъ о волѣ ихъ повелительницы Дживы, поступилъ въ ихъ ряды и подъ знойными, палящими лучами солнца, сталъ копать землю, чтобы добыть второй брилліантъ.

— Если я его добуду, мечталъ онъ,—то у меня ихъ будетъ два. Я вернусь тогда съ ними къ принцессѣ Дживѣ, сдѣлаю ей ожерелье и получу отъ нея свободу.

Онъ работалъ, какъ самый послѣдній рабъ, не допивалъ, не доѣдалъ, и неумолимое солнце обжигало ему спину, когда онъ вылѣзалъ наружу, а сырость и холодъ заставляли его дрожать, когда онъ спускался въ шахты и рылся въ землѣ, какъ крокъ. Но онъ все это сносилъ, и только одна мысль подбодряла его и давала ему надежду:—

— Если принцесса послала меня сюда, думалъ онъ,—то это значитъ, что я для нея полезенъ. Если я исполню ея волю,—то получу свободу. Если я буду свободенъ,—то посвящу свою жизнь для другихъ, потому что быть свободнымъ, значитъ—умѣть разумно распоряжаться собой!.. И вдругъ, когда онъ такъ преда-

вался своимъ мыслямъ, подъ его пальцами сверкнулъ превосходный громаднѣйшій брилліантъ. Онъ обрадовался. Теперь ихъ было у него уже два. Теперь онъ смѣло возвратится къ Дживѣ и отдастъ ихъ ей за свою свободу.

Онъ схватилъ его и, не вѣря своимъ глазамъ и не помня себя отъ радости, поскорѣе сунулъ его къ себѣ въ карманъ.

— Теперь я свободенъ!.. прошепталъ онъ—Теперь я могу идти, куда захочу!

И ему представилось, какъ онъ никогда уже больше не вернется въ тюрьму и какъ кандалы никогда уже не будутъ висѣть у него на рукахъ и ногахъ. О, Боже мой, зачѣмъ существуетъ война? Зачѣмъ одни убиваютъ другихъ, берутъ ихъ въ плѣнъ и лишаютъ ихъ свободы? Зачѣмъ существуютъ эти брилліанты и это золото, ради которыхъ одни люди посылаютъ на несчастіе и страданіе другихъ? Зачѣмъ существуетъ это тщеславіе, которое заставляетъ людей думать, что въ драгоцѣнностяхъ они лучше и красивѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ?

Прочь, прочь, всѣ эти алмазы и брилліанты! Саибъ не нуждается въ нихъ, онъ отнесетъ ихъ сейчасъ той, которой они нужны, получить отъ нея за это свободу, которая для него дороже всего на свѣтѣ, и постарается прожить свою остальную жизнь такъ, чтобы его никто не могъ упрекнуть!

И полный радостныхъ мечтаній, онъ присѣлъ на камень и закрылъ руками лицо.

— Я свободенъ!.. продолжалъ онъ думать.—Теперь я могу идти, куда захочу.

И вдругъ около него появилась какая-то женщина, одѣтая въ лох-

мотья. Она держала у груди ребенка, а за ея подолъ держался полуголый мальчикъ, ея другой сынъ. Лицо ея было измождено усталостью. Она еле стояла на ногахъ.

— Помоги вдовѣ, сказала она.— Сжался надъ сиротами!

Саибъ обернулся. Передъ нимъ стояла женщина въ глубокой нищетѣ.

— Но ты видишь—я самъ въ лохмотьяхъ, отвѣтилъ онъ ей. — Я здѣсь простымъ рабочимъ, меня жжетъ солнце и я ѣмъ только то, что мнѣ даютъ.

— Для милосердія границъ нѣтъ, продолжала женщина. — Если ты такъ бѣденъ, что не можешь мнѣ помочь деньгами или дать мнѣ хоть кусокъ хлѣба, то хоть приласкай этихъ моихъ дѣтей, которыя такъ же голодны, какъ и я.

Саибъ задумался на минуту. При видѣ этой голодной женщины всѣ его колебанія от

Дѣдушка и внучка

На рѣкѣ Амазонкѣ въ Южной Америкѣ.

летѣли прочь. Онъ, рѣшившій подарить праздною Дживѣ бриллиантъ неисчислимой стоимости, неужели же онъ отпустить отъ себя эту обездоленную вдову, не отдавъ ей только что добытаго имъ драгоцѣннаго камня? О, никогда!

И онъ полѣзъ къ себѣ въ карманъ, досталъ оттуда бриллиантъ и протянулъ его къ нищей.

— Возьми! сказалъ онъ ей.—И да хранить тебя Небо!

Нищенка взяла отъ него бриллиантъ и ушла и онъ снова остался безъ желанной свободы.

— Ничего, сказалъ онъ самъ себѣ.—Если судьбѣ угодно, то я найду еще другой...

Прошелъ годъ. Въ алмазныхъ копяхъ бриллианты стали попадаться все рѣже и рѣже, а потомъ не стало ихъ и совсѣмъ. Въ душу Саиба закралось безпокойство. Неужели-же онъ такъ и не найдетъ другого бриллианта? Неужели онъ такъ и останется рабомъ? Онъ не хотѣлъ вѣрить въ это, еще съ большими усиліями принялся рыть землю и промывать песокъ и вдругъ, дѣйствительно, нашелъ другой бриллиантъ. Этотъ былъ еще лучше и цѣннѣе того, который онъ отдалъ нищей.

— Славу Богу! обрадовался Саибъ.—Теперь ужъ я могу возвратиться къ Дживѣ и сдѣлать ей желанное ожерелье!

И мысль о томъ, какъ онъ сдѣлаетъ это удивительное ожерелье,

наполнила его душу радостью. Онъ былъ художникъ и все прекрасное доставляло ему удовольствіе и приводило его въ восторгъ.

И вотъ онъ отправился въ обратный путь. Теперь ему оставалось всего только два мѣсяца до срока, назначеннаго ему Дживой. Значитъ, всего только черезъ мѣсяць онъ будетъ уже свободенъ и сможетъ идти туда, куда только захочетъ.

Онъ шелъ черезъ поля, горы и лѣса, его жгло солнцемъ и обливало дождемъ, но онъ не замѣчалъ ихъ, и все ждалъ, когда на горизонтѣ появятся бѣлоснѣжныя башни дворца принцессы Дживы. Тамъ, за стѣнами этого дворца, онъ вручитъ своей повелительницѣ бриллианты, потомъ сдѣлаетъ ожерелье и отправится своей дорогой.

И вдругъ онъ увидѣлъ печальную картину. Подъ палящими лучами солнца, прикованный тяжелою цѣпью къ плугу, несчастный рабъ пахалъ имъ землю. Всѣ его мускулы напрялись, какъ струны, всѣ кости выступили наружу, онъ тянулъ вмѣсто лошади желѣзный плугъ, потъ градомъ катился у него по лицу, а сзади него шелъ его хозяинъ и со всѣхъ силъ билъ его палкой по плечамъ.

— Но, но, но! понукалъ онъ его.—Тащи, тащи, тащи! А не то не дамъ тебѣ ѣсть!

Сердце Саиба обливалось кровью. Онъ остановился и съ жалостью поглядѣлъ и на хозяина, и на его раба.

— Братъ мой, обратился онъ къ хозяину,—зачѣмъ ты такъ жестоко поступаешь со своимъ несчастнымъ братомъ?

— Онъ мой рабъ, отвѣтилъ хозяинъ и я могу дѣлать съ нимъ все, что захочу.

— Отпусти его на волю!

— А кто мнѣ дастъ за него выкупъ?

— Я! отвѣтилъ Саибъ и протянулъ къ нему бриллиантъ.

При видѣ драгоцѣннаго камня глаза хозяина алчно сверкнули. Онъ позабылъ тотчасъ-же и о своемъ плугѣ, и о пахарѣ и, расковавъ цѣпь, подвелъ своего раба къ Саибу.

— Теперь этотъ рабъ принадлежитъ тебѣ, сказалъ онъ.—Бери его себѣ и дѣлай съ нимъ, что хочешь!

Саибъ взялъ раба за руку и вмѣстѣ съ нимъ вышелъ далеко въ поле. Дойдя до перекрестка четырехъ дорогъ, онъ поставилъ на него раба и сказалъ ему:—

— Ты свободенъ. Можешь идти, куда глядятъ твои глаза!

Рабъ палъ передъ нимъ на колѣни, поцѣловалъ край его одежды и они разстались. Саибъ пошелъ своей дорогой, а рабъ отправился къ своимъ дѣтямъ и женѣ.

Прошли еще двѣ недѣли. Саибъ утомился и, дойдя до бамбуковой хижины, пріютившейся въ лѣсу, попросился ночевать. Его впустили. Онъ упалъ прямо на солому и тотчасъ-же заснулъ. Всѣ члены его

устали. Заходившее солнце краснымъ кругомъ спускалось къ горизонту и все казалось сдѣланнымъ изъ золота и золоченаго серебра. По высокому небу ползли перламутровыя облачка. А затѣмъ и солнце погасло. Мало по малу на землю стала спускаться ночь, и все кругомъ погрузилось въ глубокой, непробудный сонъ: и деревья, и птицы, и бабочки, и жуки. Спалъ и Саибъ, и ангелъ сна навѣвалъ на его очи покой.

Но вдругъ Саиба разбудили нѣсколько осторожныхъ ударовъ въ дверь. Онъ проснулся, оглядѣлся по сторонамъ и увидѣлъ въ потемкахъ челоуѣка.

— Что тебѣ нужно? спросилъ онъ его.

— Прошу гостепрѣимства.

Саибъ тотчасъ-же поднялся съ соломы и направился на встрѣчу гостю.

— Войди, обратился онъ къ нему.—Хоть я здѣсь и не у себя дома и такой же странникъ, какъ и ты,—но гостя посылаетъ намъ Богъ. Вотъ тебѣ кусокъ хлѣба, вотъ вода, а вотъ тебѣ и моя постель. Утоли свой голодъ и жажду и лягъ здѣсь и отдохни!

Старикъ вошелъ, поѣлъ немного хлѣба и выпилъ вды и тотчасъ-же собрался уходить.

— Прощай, мой сынъ! сказалъ онъ и глубоко вздохнулъ.—Мнѣ пора идти. Если можешь, то уступи мнѣ корку хлѣба для другихъ!

Саибъ протянулъ къ нему цѣлый хлѣбъ.

— Куда-же ты? спросилъ онъ старика.— Ты блѣденъ и твои ноги дрожать, какъ стебли бамбука отъ вечерняго вѣтра. Останься и отдохни. Сдѣлай моему убогому жилищу великую честь: переночуй у меня.

— Нѣтъ, сынъ мой,—отвѣтилъ старикъ.— Ты вѣроятно и не знаешь, что цѣлые два года у насъ не было дождя и всѣ посѣвы погибли, и что всѣ дороги Индіи переполнены теперь истощенными голодомъ людьми: мать теряетъ умирающихъ по дорогѣ дѣтей, отецъ взываетъ къ небу крикомъ отчаянія. Для того, чтобы призвать на этихъ несчастныхъ милосердіе неба, я далъ себѣ обѣтъ не давать своимъ истомленнымъ членамъ отдыха до тѣхъ поръ, пока не будутъ осушены слезы и пока не будутъ собраны запасы муки и хлѣба на цѣлый годъ. Прощай, сынъ мой!

Старецъ умолкъ и сдѣлалъ шагъ къ двери.

— Подожди, святой отецъ, подожди!— воскликнулъ Саибъ, пораженный описаніемъ столькихъ страданій.— Я хочу тебѣ помочь.

И онъ протянулъ къ старику и второй, оставшійся у него бриллиантъ.

— На немъ я основывалъ всѣ мои надежды и изъ за него я, можетъ быть, лишусь жизни,—сказалъ онъ со вздохомъ.— Возьми его!

— Ты этимъ спасаешь десятки

тысячъ жизней,—отвѣтилъ ему старикъ и скрылся во мракѣ ночи.

Саибъ на минуту задумался. Теперь ему уже не видать своей свободы никогда. Роскошное ожерелье, о которомъ онъ такъ мечталъ, теперь не будетъ сдѣлано: его художественная работа не появится на свѣтъ, а его свобода, а можетъ быть даже и жизнь, теперь уже больше не принадлежатъ ему и онъ останется теперь все такимъ же безличнымъ рабомъ, какимъ былъ и тотъ, котораго онъ выкупилъ только мѣсяцъ тому назадъ за бриллиантъ. Но что за дѣло? Онъ поступилъ такъ, какъ приказывали ему его совѣсть и честь, и еслибы даже теперь пришлось ему за это умереть, то онъ съ радостью приметъ смерть. Стоитъ—ли ему жалѣть о своей жизни, когда онъ спасъ столько голодныхъ людей, и о своей свободѣ, когда онъ даровалъ свободу рабу?

И онъ снова отправился въ путь

Вотъ уже столица. Вотъ бѣлая башни дворца Дживы, вотъ уже и дворцовые сады. Робкій и безмолвный, онъ входитъ въ нихъ и его со всѣхъ сторонъ окутываетъ ароматъ отъ камильницъ и очаровываютъ журчанье фонтановъ и пѣніе рабынь. Джива полулежитъ на диванѣ и мечтательно глядитъ на цвѣты.

— Здравствуй, Саибъ, говоритъ она ему, узнавъ его еще издалека.— Ну, что-же? Принесъ ты два обѣ-

щанные тобою брилліанта? Сможешь-ли ты сдѣлать для меня такое ожерелье, какого нѣтъ и не можетъ быть ни у одного изъ королей?

Саибъ приблизился къ ней и отвѣсилъ ей низкій поклонъ.

— Принцесса, сказалъ онъ.—Я имѣлъ три превосходныхъ брилліанта, но израсходовалъ ихъ по пути. Одинъ изъ нихъ я получилъ отъ больного страдальца за то, что пожалѣлъ его. Два другіе я добылъ цѣною своихъ собственныхъ страданій, ужаса которыхъ не можетъ описать никто.

Глаза принцессы засверкали отъ радости...

— Гдѣ-же они? спросила она.—Куда ты ихъ дѣлѣ?

— Одинъ изъ нихъ я отдалъ безпріютной вдовѣ, другой—уплатилъ за свободу раба, а на третій—накормилъ десятки тысячъ голодныхъ и больныхъ людей.

— А что-же ты принесъ взамѣнъ ихъ мнѣ? спросила принцесса.—Вѣдь я ожидала тебя цѣлые два года и считала дни и часы, когда увижу тебя опять!

Саибъ еще ближе подошелъ къ ней и опустилъ на одну колѣнку.

— Я принесъ тебѣ, принцесса, сказалъ онъ,—два самыхъ драгоцѣнныхъ брилліанта, дороже и прекраснѣе которыхъ нѣтъ на всей землѣ. Это—моя свобода и жизнь. Ты можешь ихъ уничтожить—и тебѣ никто не возразитъ ничего, но ты можешь также сдѣлать изъ нихъ и

лучшее для себя украшеніе—это заставить ихъ быть полезными для себя и для другихъ.

И онъ сталъ покорно ожидать отъ нея своей судьбы. Она глядѣла на него удивленными глазами и ей теперь казалось, что передъ нею открывается новая жизнь, полная разумной дѣятельности впереди, и что всѣ эти сотни тысячъ людей, которыхъ она не знала и на которыхъ глядѣла только свысока, были тѣ именно брилліанты, о которыхъ она такъ мечтала и за которые готова была-бы умереть и сама. И сойдя со своего дивана, она подошла къ Саибу и взяла его за руку.

— Пойдемъ!.. сказала она ему.

— Куда? спросилъ онъ ее.

Она указала ему рукой на бѣдныя лачуги, виднѣвшіяся въ горахъ.

— Тамъ нужна наша помощь... сказала она.—Если человѣкъ лучше, чѣмъ брилліантъ, то онъ можетъ сдѣлать для другого больше, чѣмъ всѣ сокровища въ мірѣ! Не будемъ же терять времени и поспѣшимъ на помощь!

И они вдвоемъ отправились въ горы.

Прошло два года. Во дворцѣ Дживы было торжество. Массы народа собрались въ садахъ у принцессы и ожидали, когда Джива и Саибъ появятся на важно выступавшемъ слонѣ, изукрашенномъ жемчугами, сапфирами и серебромъ. За перилами мраморныхъ балконовъ тол-

пились съ любопытствомъ женщины и бросали на дорогу цѣлыя горсти душистыхъ розовыхъ лепестковъ. Но вотъ появились наконецъ и они. Они шли рядомъ, пѣшкомъ, и по всему ихъ пути изъ храма до дворца ихъ восторженно встрѣчалъ народъ и бросалъ имъ подъ ноги цвѣты. Теперь они были уже мужемъ и женой. Принцесса Джива шла въ скромномъ платьѣ, но на шеѣ у нея было дорогое ожерелье, сдѣланное Саибомъ изъ драгоценныхъ камней, доставшихся ей отъ ея отца, и лучше этого ожерелья не было ни у кого на всей землѣ.

— А гдѣ-же тѣ два брилліанта,

моя госпожа? обратилась къ Дживѣ ея рабыня Зелима, когда Джива и ея супругъ возвратились во дворець.—Гдѣ тѣ два самые дорогие брилліанта, которые ты такъ хотѣла имѣть и за которыми такъ далеко посылала нашего господина?

Джива улыбнулась и показала себѣ и своему мужу на грудь.

— Вотъ гдѣ они, отвѣтила она.— Это наши сердца.

И она съ гордостью посмотрѣла на своего мужа. А по дорогѣ ко дворцу и въ садахъ все еще играла музыка, пѣлъ хоръ и раздавались привѣтственные крики народа.

А. Е.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Если отъ кушанья съ начинкой (съ мясомъ, съ грибами, съ капустой и т. д.) отнять то, что есть у животныхъ, и къ тому, что останется, прибавить цѣлый вѣкъ, то получится оружіе.

Что это?

II.

Возьмите треть собаки, часть лошади и кусокъ муравья. Сложите. Должно получится названіе птицы, которую всѣ очень любятъ.

Какая это птица?

III.

Даны три слова:

1., — уд — = то, что совершали святые.

2., — — ыл — = то, что помогаетъ птицѣ летать.

3., — — — ыт — = часть ноги животнаго.

Найти эти задуманныя слова, взять отъ тѣхъ послѣдніе слоги и изъ этихъ словъ составить новое слово, означающее названіе плотничьяго инструмента.

IV.

Какой персидскій языкъ?

V.

Задуманы три слова:

- 1., То, что находится въ трубѣ.
- 2., То, что мы видимъ за городомъ.
- 3., Струнный инструментъ.

Взять отъ каждого изъ этихъ словъ по одному слогу и составить изъ нихъ новое слово, которое означаетъ предметъ, сшитый изъ кожи.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

VI.

Задуманы три слова, означающія: 1., То, что необходимо при книгопечатаніи.

- 2., Главный городъ въ государствѣ.
- 3., Желтенькую пѣвчую птичку.

Взять отъ каждого изъ этихъ словъ по второму слогу и составить

изъ нихъ новое слово, которое означаетъ душистую ягоду.

Какія слова задуманы и какая это ягодка?

VII.

Шарада: Часть первая—принадлежность комнаты, а вторая—насъкомое. Все вмѣстѣ—часть ленты желѣза, матеріи и т. п..

Что это такое?

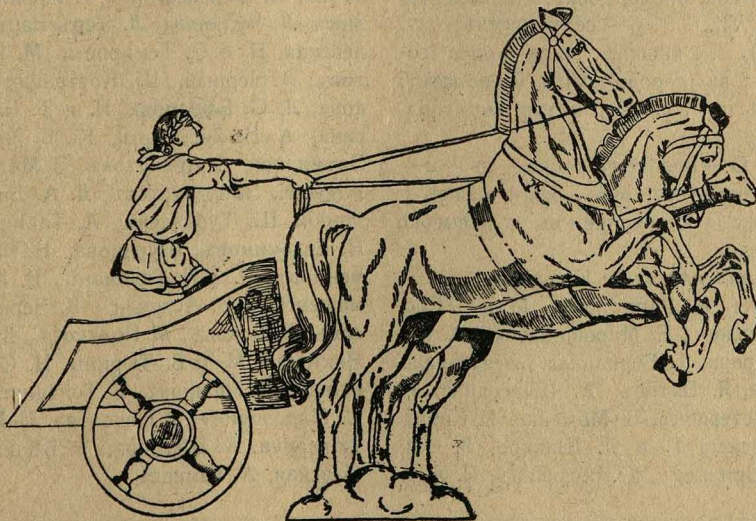
VIII.

Шуточные вопросы: 1., Почему мы должны начинать учиться именно съ самаго ранняго дѣтства?

2., Отчего человекъ не можетъ взлетѣть на воздухъ безъ крыльевъ?

3., Зачѣмъ гимназисты носятъ книги въ ранцахъ, а не въ носовыхъ платкахъ?

4., Изъ чего состоитъ поѣздъ?

Модель приложенія къ этому номеру.

Ребусъ № 3.

(Фамилии подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 1, помѣщенныхъ въ № 1 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I., арфа, ароматъ, гитара, татаринъ, фракъ, графитъ, Ѣакирь, математика, ма- кака, томатъ, магнитъ = синематографъ. II., По водѣ. Ш., Мясо, мыло, муравей = соловей. IV., Потому что имъ не дають ихъ даромъ. V., Стопа, поле, сталь, оспа, постель; Ева, сто, тополь = Се- вастополь. VI., лампа, олово, доска, кукла, лавка, трава = Москва. VII., . . . о + селъ (осель). . . кры + са (крыса), . . . кошка, . . . со + бака (со- бака), . . . коро + ва (корова). VIII., По полотну; бабочки летаютъ по воздуху, а гусъ ницы пол- зають по травѣ.

Ребусъ № 1. О + колоколь + око + ль + н + + ивы + ро + сливы + с + око + оси + насось + + наи + ели = около колокольной вы осли высоко осина, сосна и ели.

Вѣрныя рѣшенія прислали: К. Бланкъ, Н. Су- тонскій, И. Эгертъ, М. Раппопортъ, М. и Д. Сло- бодскіе, Н. Палеологъ, Е. Мирошниченко, А. Ни- китенко, М. Боброва, Т. Бернацкая. Люся Мазель, Т. Завѣтновская, Я. Пятовъ, А. Шевердина, Н. Мещерскій, Л. Петерсонъ, В. Можейко, М. Кирил- лова, Л. Гебровская, Г. и Л. Шапиро, Л. и Т. Богдановы, В. Шпиллеръ, Ю. Волошинъ, Н. Жда-

нова, А. Моховъ, В. Покровскій, Л. Кузнецова, Н. Губартъ, И. Мейендорфъ, К. Смирнова, Л. Чу- динова, Н. Федоровъ, В. и Б. Вѣроятовы, Д. Остро- горскій, В. Пославская, З. и К. Румянцевы, О. Лашенкова, М. Надолинская, М. Трахтенбергъ, Р. Барсукова, Л. Чабаненко, Л. Оловянова, Е. и Б. Бальсонъ, Н. Евдокимовъ, М. Вейнштордъ, А. Толстопятова, Гришутикъ, Оксаночка и Ни- ночка, К. Федюшкинъ, Т. Мазаихинъ, Г. Мику- линъ, Л. Чудинова, Л. Теръ-Вартанянъ, Н. Васи- левская, П. и С. Темировы, М. Бабенко, Б. Лѣ- товъ, Л. Черный, Ш. Костенецкая, Е. Калашни- кова, Л. С. Ефремова, И. и Т. Ширяевы, Л. Нев- гина, А. Н. Ларіоновъ, К., Б. и В. Буренины, Г. Затмилова, Д. Арнаутовъ, З. Мятжева, К. Смир- нова, К. Звѣздочетовъ, Л. А. Заславскій, П. Во- лоцкій, Ш. Тубакаевъ, А. Талимовъ, Г. Каганъ, Н. Евдокимовъ, Шуранова, Н. Федосова, Г. Ка- менковъ, И. и Н. Гаусманъ, В. Г. Михно, Н. Ры- машевская, В. Астрейнъ, В. Чернецовъ, А. Бори- совъ, В. Суховъ, М. Поляковъ, Дѣти Сусловы, Н. Никитина М. и В. Тюрины, Н. Сажинъ, Ж. Вос- няцкій, П. Горинъ, В. Гольдингъ, М. Герасевъ, С. Морозовичъ, И. Соколова, Н. Жданова А. и Ж. Дювернуа, А. Щеглова, Т. Бѣлимовичъ, З. Мат- вѣевская, А. Шмидтъ.

ГОДЪ ДЕСЯТЫИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917 годъ.

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей М. П. Чехова.

Выходитъ ДВА РАЗА ВЪ МѢСЯЦЪ (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Журналъ отличается внѣшнимъ изяществомъ и тщательно подобраннымъ содержаніемъ. Давая подписчикамъ въ 1916—1917 году цѣлый рядъ интересныхъ приложений, редакция задалась цѣлью доставить имъ полезныя и разумныя занятія и развить въ нихъ вкусъ ко всему изящному.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ „Золотомъ Дѣтствѣ“ найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи, изъ жизни животныя, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакция обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно выбранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.

12 ИГРЪ для дѣтей.

24 ПРИЛОЖЕНІЯ [ДЛЯ] СКЛЕИВАНІЯ (раскрашенные въ четыре краски), ОСОБЫЯ ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ ГОДОВЫХЪ ПОДПИСЧИКОВЪ:

1) **КУКОЛЬНЫЙ ТЕАТРЪ:**

(кулисы, занавѣсъ, декорациі, дѣйствующія лица и пьеса).

Большое приложеніе, исполненное въ краскахъ, которое доставитъ дѣтямъ и ихъ гостямъ пріятное развлеченіе на многіе мѣсяцы.

2) Книга съ иллюстраціями:

„СО ДНА ПРОПАСТИ“.

◆ Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ. ◆

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ царствѣ смекалки.

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности «Золотое Дѣтство» является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ
5 р. 80 к., на полгода—2 р. 90 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», Петроградъ, Каменноостровский проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петрограда.

5 Р. 80 К.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.